

©2001 г.

В.П. МАКАРЕНКО

ТЕОРИЯ КАПИТАЛИЗМА:
ТУПИК СОЦИАЛЬНОГО ЗНАНИЯ?

МАКАРЕНКО Виктор Павлович - доктор философских, доктор политических наук, профессор Ростовского университета.

Генезис и перспективы капитализма как части проблемы выбора ориентиров развития России в последние годы обсуждаются на страницах журнала "Социологические исследования" [1]. Автору настоящих заметок приходилось высказываться по этому кругу вопросов [2]. Однако в последние месяцы в контексте происходящего в России вспоминается статья одного польского исследователя, написанная примерно в то время, когда умонастроения в польском обществе были в том состоянии, что в России в настоящее время [3]. Автор этой статьи А. Хиршман в противовес социальной мысли Нового времени обосновывает принципиальное положение: ни "рыночная", ни "управляемая сверху", ни "смешанная" экономика не являются эффективными средствами решения социальных проблем и не могут считаться образцами для подражания. Но масса интеллектуальной продукции, считает он, и публицистика развивают противоположные подходы. Этот факт свидетельствует о кризисе современного социального знания. Оно не в состоянии описать губительные последствия развития экономики в любых социальных системах - капиталистических, социалистических, смешанных. Анализ этих последствий определяет содержание исследований Хиршмана.

В современном социальном знании распространено противопоставление Вебера Марксу. Действительно, эти мыслители различаются в оценке относительного значения экономических и внешнеэкономических факторов. Но есть у них моменты сходства: анализ генезиса капитализма и рождения его духа как борьбы с прежними идеалами и социальными отношениями; общее убеждение в противоположности "традиции" и "современности"; описание социальных изменений (в том числе генезиса и функционирования капитализма) в категориях рождения новой социальной системы; убеждение в том, что новые этосы и идеологии возникают более или менее параллельно процессу упадка прежней системы отношений. Вследствие переплетения гносеологических и мировоззренческих установок Маркс и Вебер не обратили внимание на способы воспроизводства старого в новом или рассматривали эту проблему как второстепенную.

А. Хиршман ставит более сложную задачу - выявить и описать процессы становления и изменения идеологий как эндогенетический процесс, влиявший на субординацию всех (внешних и внутренних) факторов генезиса новой социальной системы. Для этого надо установить последовательность взаимопереплетения идей, принадлежащих к противоположным идеологиям - либеральной, консервативной, социалистической. Речь идет о построении теорий экономики, общества, политики, идеологии и культуры, которые были бы свободны от всех (или главных) исторических форм, идеалов и институций Нового времени. Однако ни одна школа социальной мысли этого не сделала. Нынешнее поколение ученых движется в кильватере главных идеологий

современности. Вожди не осознают проблему непредвиденных последствий своей системы взглядов. Если бы последствия были известны заранее, - Локк и Бентам, наверное, отказались бы от либерализма и утилитаризма, Берк и Токвиль - от консерватизма, Маркс - от социализма.

Почему же такое осознание невозможно по определению? Потому, что для идеологий Нового времени отношение между идеями (идеалами) и интересами было центральной проблемой социального знания и практики. Акцент на то или другое породил гамму теорий. В любой из них связь идеалов и интересов трактовалась как отношение детерминации (прямой, обратной), или констелляции. Ни одно из направлений социальной мысли не пыталось отбросить данную альтернативу, а ее идейные предпосылки осознаны недостаточно. В концепции А. Хиршмана прослеживается "логика" данных предпосылок.

В докапиталистических обществах героический этос (с идеалом "славы") был наиболее распространен. Его заменил буржуазный этос протестантской этики. Когда же торгово-промышленная деятельность начала рассматриваться как занятие, достойное человека? Ведь на протяжении тысячи лет (оформление, институционализация, распространение христианства) в торговле и промышленности видели воплощение жадности, скупости и жестокости. Затем торгово-промышленной деятельности начали приписывать положительные свойства. Исторические, психологические и культурные причины неожиданного изменения до сих пор предмет дискуссии. Причем модификация не заключалась в упадке традиционных ценностей: "Критика героического этоса нигде не сопровождалась пропагандой нового буржуазного этоса" [3, p. 23].

Все началось с попыток создать новую теорию государства для усовершенствования искусства политического управления в рамках существующего порядка. Макиавелли не стремился создать новый этический кодекс, предложив рассматривать человека таким, каков он на самом деле. Люди руководствуются страстями, а не верой и разумом. Это порождает цепь жестокостей, образующих человеческую историю. Требования христианской морали, включая угрозу вечных мук, не улучшили "человеческую природу". Значит надо найти более эффективные методы совершенствования людей и управления обществом. Начался поиск средств, образующих альтернативу христианской морали.

При этом было сформулировано три рецепта: применять насилие; сдерживать страсти путем убеждения; использовать страсти для достижения "общего блага". Эти рецепты существуют до сих пор как наиболее распространенные варианты идеологии, социальной теории и политики. Первые два средства новизной не обладали. Третье привело к повороту социальной мысли. Да, жадность и корысть - главные человеческие страсти, но на их основе может быть построен справедливый социальный порядок. Главный аргумент для доказательств этого положения сформулировал Мандевиль: провидение использует человеческие страсти для обеспечения "общего блага". И потому надежду на "лучшую жизнь" терять не следует!

Постепенно слова "страсти" и "жадность" (с отрицательным смыслом) были заменены нейтральными "пользой" и "интересом". Идея использования страстей для "общего блага" стала главным элементом либерализма и парадигмой политической экономии. А эта "сианс-госпожа", перефразируя Н. Лескова, начала претендовать на статус "главной" социальной науки. Одновременно данная идея повлияла на выработку представления о закономерности социальных процессов. Были созданы гегелевская, марксистская и позитивистская концепции социальных закономерностей*.

Короче говоря, модификация моральной оценки предшествовала, а затем переплелась с легитимацией страстей как предмета анализа. Предполагалось, что люди

*Данные концепции восходят к метафоре "хитрость разума". Она выражала убеждение: хотя люди "живут страстями", на самом деле они служат некой высшей общечеловеческой цели, непостижимой для индивидуального сознания. Эта метафора введена в социальную философию Вико и Гердером, окончательно легитимирована в философии истории и философии права Гегеля, который положительно оценил страсти, поскольку в них непосредственно проявляется и воплощается "хитрость разума".

руководствуются эгоизмом, жадной властью и богатства: три страсти против веры (условие христианского спасения) и разума. Они порождают войну, голод и мор - три главных несчастья человеческого рода. Одновременно страсти свирепы друг к другу. В целях их теоретической легитимации были обоснованы идеи о взаимопожирании (Бэкон и Спиноза) и равновесии страстей (Юм): "Мысль об управлении социальным прогрессом посредством продуманного установления одной страсти против другой стала и распространенным занятием интеллектуалов XVIII в." [3, с. 34]. идея взаимопожирания вытекала из общего пессимистического взгляда на природу людей и убеждения в том, что страсти опасны и деструктивны. В XVIII в. произошла полная реабилитация страстей, что выражало оптимистическое представление (прежде всего французских материалистов) о возможности "улучшения и исправления" человеческой природы. Гельвеций дал термину "интерес" положительный смысл, обозначая им лишь страсти, которым приписывались уравнивающие функции.

История превращения моральных оценок в онтологические основы и гносеологические принципы социальной теории и вытекающей отсюда аберрации мышления еще не закончилась. "Отцы-основатели" США и вожди французской революции - первые жертвы преобразования моральных оценок в политические постулаты. Те и другие начали использовать идею равновесия страстей для обоснования и реализации принципов разделения власти и социального договора, полагая, что оба института не задевают "человеческую природу" и являются универсальными свойствами общества. На самом деле в основании разделения властей и теории социального договора лежит представление о животной природе человека. "Примечательно, - пишет А. Хиршман, - что при обосновании принципа разделения власти эта идея была перешита в другую одежду. Сравнительно новая мысль о контроле властей (подчеркнуто мной. - В.М.) путем их взаимного сдерживания и уравнивания стала убедительной благодаря представлению ее в форме общеизвестного и общепринятого принципа равновесия страстей" [3, с. 37]. Иначе говоря, практика конституционализма и революционного преобразования общества опираются на одни и те же основания.

Теория социального договора стала элементом достижения равновесия. Гоббс лишь однажды сослался на равновесие страстей для теоретического обоснования государства, в котором решены проблемы, вытекающие из человеческих страстей. Большинство либералов и демократов применяют эту стратегию постоянно - результат еще одной идеологической аберрации - противопоставления интересов и страстей. На этих иллюзиях - разделения власти и социального договоре - держится теория и практика демократии и связанная с нею парадигма социальной мысли Нового времени.

Природа этих аберраций в том, что "интересы" отождествлены с материальной выгодой и пользой. Этот смысл главный в повседневном и политическом языке. Сегодня выражения: "классовые", "государственные", "национальные", "групповые" и др. интересы, не вызывают возражений. Однако до XVII в. под "интересом" понималась совокупность человеческих намерений. На протяжении последних 300 лет происходило сужение данного смысла с одновременной универсализацией стремления к материальной выгоде и пользе. В данном процессе А. Хиршман выделяет две тенденции.

Первая (Макиавелли) связана с отождествлением "интересов" с "государственным разумом", "принципами существования государства": "Эти понятия должны были вести борьбу на два фронта. С одной стороны, в них явно декларировалась независимость от правил и требований христианской морали, образующих основание политической философии до Макиавелли. С другой стороны, они должны были определять рациональную волю, не замутненную страстями и ежеминутными порывами. Именно такая воля становилась для Князя путеводителем" [3, с. 39]. Доктрина Макиавелли ограничивала властвующих лиц не меньше, чем христианская мораль. Властвующие обязаны доказывать, что их поведение определено "высшими государственными соображениями", свободно от личных страстей, произвола, династической политики, политических комбинаций и т.п. Но никто из "властей предержащих" не собирался меняться, и

тождество "интересов" с "государственным разумом" или "принципами существования государства" обнаружило бесплодность [3, с. 40]. Иначе говоря, использование понятия "интерес" для обозначения властвующих лиц и структур государства (класса, нации, группы, вероисповедной общности и т.д.) крайне размывалось и могло получать случайное содержание. Но случайность выступала в маске необходимости, обретая статус "теории" - до сих пор традиция социальной и политической практики и теории.

Вторая тенденция отождествляет "интересы" с поведением индивидов и групп: "Связь эгоизма и расчета стала квинтэссенцией поведения в соответствии с собственным интересом. Она показалась многообещающей в дебатах об искусстве управления" [3, с. 41]. Внимание возникающей социальной теории начало концентрироваться на поведении не властвующих лиц и структур, а подвластных. Возник еще один узел связи социальной науки с произволом элит. Эта традиция сохраняется до настоящего времени.

Интерес как новая парадигма социальной мысли

А. Хиршман показывает, что история понятия "интерес" парадоксальна: сужение его смысла шло параллельно с универсализацией одной его стороны. Первоначально интерес означал способность рационального, расчетливого и дисциплинированного руководства эгоизмом, жадной власти и богатства, противопоставлялся другим страстям. Тем самым в поведение людей вводились элементы предусмотрительности. В результате сложилось убеждение: одни страсти (жадность, алчность, скупость, своекорыстие, любовь к деньгам) можно использовать для усмирения других страстей (тщеславия, плотских и властных желаний). Неожиданное заключалось в том, что смысл "интереса" соответствовал традиционным ценностям, означая: люди ("человеческая природа") не обязаны меняться по религиозным или рационалистическим рецептам. Поэтому ссылки на интересы в последующем развитии социальной и политической мысли и практики содержат значительную долю традиционализма и консерватизма, хотя она не осознается либеральными и социалистическими апологетами "интересов" [4].

Была создана предпосылка связи идеи равновесия страстей с идеей их неизменности, последняя теперь выступала под прикрытием "интересов". Обе идеи восходят к Макиавелли. Но конечный результат заставил бы его "перевернуться в гробу": алчность стала главной и привилегированной страстью, на которую возлагалась задача обуздывать другие страсти! Подобный симбиоз приобрел статус "вклада" в управление государством и социальное знание...

Раньше алчность оценивалась отрицательно. Теперь "делание денег" было названо "интересом", а понятие "интереса" начало претендовать на нейтральность, объективность и статус в теории. В основе подобного нейтрального теоретизирования лежала и лежит положительная оценка мерзкой человеческой страсти. Подобная аберрация связывалась с надеждой на возможность "научного руководства" общими делами. Эта возможность была первоначально реализована в "просвещенном абсолютизме", в основе которого (как политического строя) лежит своекорыстие, прикрытое "государственными интересами", "государственной необходимостью" и т.д.

"Интересы" стали парадигмой социальной философии и политики. В конце XVII в. максима "Интерес не подведет" преобразована в постулат "Миром правят интересы". Но в первом случае имелась в виду способность рационально руководить страстями, во втором - одна страсть господствует. Никто не вдумывался в эти тонкости. Никто не пытался дать определение отношения "интересов" к страстям и разуму. Со времени Платона эти категории доминировали при анализе поведения людей. Но опыт показал, что страсти деструктивны, а разум бессилен. Вера не "исправила" человечество. Такие выводы делали перспективу человеческого рода мрачной. Но большинство людей легкомысленны и не склонны думать о трагизме существования; политики и государственные мужи не желают учиться.

Философы в очередной раз пошли на поводу большинства, умудрившись "прописать" интересы (с указанной модификацией) между страстями и разумом. Эта процедура базировалась на христианской Надежде. Правда, теперь Надежда выступала в наряде социальной теории, обещавшей: "жить станет лучше и веселей", если руководствоваться интересами. И философы предпочли оптимистическое обещание анализу человеческого поведения с убийственными перспективами. Почти никто не желал создать вариант социальной философии и теории, в котором бы осуждение человека шло далее, чем в христианской религии. Правда, в XVII в. проницательные философы и умудренные жизнью люди не дали увлечь себя новой доктриной. Одни отбрасывали ее (Боссюэ), другие сомневались в параллелизме интересов, понятых как "разумный эгоизм", и страстей (Спиноза), третьи полагали, что люди не в состоянии распознать собственные интересы (маркиз Галифакс). Однако оптимизм ожидания победил трезвую мысль. Надежда на спасительную роль "интересов" стала главной интеллектуальной модой Нового времени. И социальная мысль до сих пор находится под ее гипнозом! Интерес стал гибридной и противоестественной формой человеческого поведения. И ее начали полагать свободной от разрушительных страстей и бессильного разума! Прежде пиетет перед деньгами и благополучием считался свойством рабов, евреев, лакеев и простонародья. Теперь эта страсть - залог "светлого будущего" [3, с. 47].

Потребовалось немного времени для горького похмелья. В XVIII в. "интересы" подверглись критике за счет реабилитации страстей как потенциально положительной силы. Одни доказывали, что принцип "Люди руководствуются только интересами" полагает мир хуже, чем он на самом деле. Другие выдвигали принцип "Люди живут страстями". Мир, в котором господствуют страсти, лучше мира, где доминируют интересы. Действительно, едва "интерес" сведен к своекорыстию, мир потерял привлекательность. Постулат "Интересы правят миром" превращался в жалобу или обвинение мира, в котором кроме цинизма нет ничего. А реабилитация страстей соответствовала идеалам Просвещения, отбросившего типичный для Возрождения трагичный образ человека и мира. Юм развил концепцию: страсти могут улучшить мир, управляемый интересами.

Короче говоря, мысль Нового времени кружила вокруг постулатов, связывая с ними познавательные концепции. Вначале страсти оценивались отрицательно, интерес положительно. Затем произошла перестановка оценок. С нею связано становление политической экономии, всей системы социальных наук. Указанная связь определила главные просчеты и поражения социальной мысли последних двухсот лет.

Реабилитация страстей ничего не добавляла их содержанию. Но постулат "Интересы правят миром" вызвал оживление интеллектуалов: наконец-то найдена основа жизнеспособного строя! Интересам стали приписывать достоинства предвидимости, неизменности и постоянства, качества объективности, ранее фиксировавшиеся лишь в природе. Предполагалось, что если человек руководствуется материальными интересами, то ему и другим хорошо. А если действия мотивированы интересами, их можно предвидеть, как нетрудно предвидеть поступки добродетельного человека. Жадный, алчный человек превращался в истинного христианина! Облегчалась задача властвующих: "По сравнению с теорией экономики теория политики раньше обнаружила шансы взаимной пользы, достигаемой с помощью интереса" [3, с. 51]. Но политическая экономия вскоре отправилась в лакейскую Каноссу!

Сфера международной политики оставалась неподконтрольной христианским принципам, разуму. В ней выступают взаимоисключающие интересы (расширение влияния, власти, богатства) государств, ни одно из которых не самостоятельно: интерес данного государства зеркально отражает интерес его главного противника [3, с. 52]. Непредсказуемость - компонента международной политики. Здесь и воплощаются зверские страсти людей. Предложить новое в этой сфере социальная философия не смогла. Она облегчила себе задачу. Представление о равновесии страстей и интересов, перенесенное в сферу внутренних конфликтов, положило начало концепции

"равновесия сил". Наибольшую пользу от предвидимого поведения начали усматривать в экономике. Локк обосновал идею о том, что внутренний враг - неопределенность поведения индивидов и групп - должен быть побежден государством любой ценой! Непостоянство стало считаться помехой созданию строя, где решены моральные, социальные, политические проблемы. Тем самым либерализм заложил теоретические основания не свободы, а регламентации, роста репрессивных институтов. Другие направления социальной мысли без труда заимствовали эту идею.

Завязался еще один узел между политикой и экономикой. Интерес отождествлялся с любовью к деньгам как легально главной страстью, оцениваемой положительно в той степени, в которой деньги стали целью, а не средством "красивой жизни" (М. Вебер). А. Хишман обращает внимание на парадокс: если раньше алчность квалифицировалась как опасная страсть, теперь она добродетель индивидов [3, с. 52]. И эту задачу выполнили философы! Превращение интересов в страсти вело к тому, что они начали все сметать на пути. Осознание этого выражено в "Манифесте Коммунистической партии" сто лет спустя. Становление капиталистического общества сопровождалось всеобщей коррупцией; деньги рассматривались как более сильная связь, чем родственные отношения, честь, дружба и любовь. Это убеждение остается самой сильной и опасной формой идеологии, которая не нуждается в доказательстве. Никакая политика не сломала это убеждение. Развитие общества и социального знания пошло по иному пути.

Стремление к удовлетворению материальных интересов признано невинным и безвредным, - непредвиденное следствие длительного господства идеалов аристократии, всегда презиравшей ростовщиков, купцов, промышленников. Это - грязные, серые и неинтересные люди, социальные отбросы и маргиналы. Аристократическое презрение породило убеждение, что торгово-промышленная деятельность "за пределами добра и зла", этически нейтральна и потому не может играть важную социальную роль. Для обозначения парадоксального синтеза презрения и невинности был изобретен термин "douceur", - мягкость, покой, комфорт и наслаждение, в отличие от непостоянства, стремительности и беспокойства, порождаемых другими страстями. Предполагалось, что деньги и торговля смягчают и облагораживают нравы людей. Выражение "благородные народы", как противопоставление "диким и варварским народам", - попытка создания дихотомии между "историческими" и "неисторическими", "развитыми" и "отсталыми" нациями. Она сохраняется по сей день.

Корни слова "douceur" связаны с некоммерческим значением термина "коммерция". Кроме торговли оно означало беседу и другие формы любезного общения людей (в том числе разного пола). Однако оно содержит и идеологические коннотации. В частности, использование оборота "doux commerce" поражает апологетикой и несоответствием реальности. "Облагораживание" коммерции было наиболее распространено в XVIII в. - пик коррупции и работоторговли, когда и обычная торговля была рискованным, опасным и жестоким предприятием.

В конечном счете "делание денег" начало рассматриваться как стабильная и спокойная страсть. "Мирная жажда обогащения" (в отличие от жадности) требовала действий с опорой на разум и становилась эквивалентом понимания "интересов" в XVII в. Расчетливая погоня за деньгами была осознана как сильная, спокойная страсть, способная победить бурные, но слабые страсти. "Своекорыстие" начало противопоставляться наслаждениям. Особый акцент на этом сделал Юм: "Ведущий философ эпохи прославлял капитализм потому, что он должен был оживить полезные склонности людей за счет вредных и подавить, а то и уничтожить деструктивные и губительные свойства человеческой природы" [3, с. 63]. Указанные семантические и идеологические процедуры породили надежду, что развитие экономики улучшит социальный и политический строй. Возникающая социальная наука не смогла освободиться от христианского принципа Надежды, хотя теперь он выступал в виде экономоцентризма.

Может ли экономика улучшить социальный строй?

А. Хиршман прослеживает звенья этого процесса. Зеленый свет в погоне за деньгами - продукт европейской мысли. Однако положение "Интересы против страстей" не изучено. Причин "белого пятна" много. Это положение относится к "неосознанному знанию" (М. Поляни) - комплекс убеждений, столь очевидных данной группе, что они не выражаются полностью. Кроме того, А. Смит пренебрег различием между интересами и страстями, подчеркивая положительные, а не отрицательные политические следствия экономики. Но теория А. Смита лишь завершила процесс и, в свою очередь, стала неожиданным следствием надежды с помощью "искусства управления государством" (политики) решать социальные проблемы.

Противоположна тенденция трудов Монтескье, Д. Стюарта и Д. Миллара. Монтескье обосновал положение о положительном влиянии торговли на политику и культуру. По его мнению, демократия есть позитивное следствие торговли. Торговля долго осуждалась церковью, став занятием евреев. Евреи страдали от насилия и эксплуатации властителей и аристократии, пока не изобрели вексель - "невидимые деньги". Однако главный аргумент Монтескье в пользу торговли и промышленности в том, что они способны предотвратить "злые умыслы" и государственные перевороты, чем занималась аристократия. Французский мыслитель ставил интересы выше страстей и разума. Он сформулировал положение: прямая критика политиков за несоответствие их действий морали и разуму лишена смысла. Она убеждает, но никого не меняет. Лучше "пойти другим путем", показывая бесполезность страстей и намерений аристократии и власти. Иначе говоря, Монтескье придал принципу пользы политическое измерение.

Д. Стюарт сформулировал ложную альтернативу в виде положения: рост торговли и богатства увеличивает влияние политиков на граждан, одновременно уменьшая сферу государственной власти и произвол. Эта альтернатива влияла на последующую политическую и экономическую мысль. Для выхода из тупика, рождаемого таким ходом мысли, Д. Стюарт сконструировал популярное различие между "произволом" и "строгим регулированием". Произвол вытекает из страстей правящих лиц. Строгое регулирование приписывалось гипотетическому государственному мужу, который руководствуется "общим благом". Развитие экономики устанавливает пределы "произвола", увеличивает потребность во втором типе вмешательства в социальные процессы, гарантируя "устойчивое развитие".

Для доказательства Д. Стюарт сравнил экономику с часами. Произвол портит, регулирование исправляет часы. У Д. Стюарта Бог, создавший мир из глины, переqualificировался в Главного Часовщика: его часы ходят без помощи людей. Правда, не всех. Политики и государственные аппараты уподоблялись часовщикам, регулирующим экономические механизмы.

Д. Миллар радикализировал этот вывод: государственный муж не может принимать произвольных решений, а должен способствовать благосостоянию страны. Тем самым экономические и политические механизмы ставились во взаимосвязь. Но как гарантировать правильный ход обоих? Гарантию Миллар видел в праве на восстание. Его аргументы тоже чисто механические. Массы фабричных людей - машина, ход которой остановить нельзя. Рабочие постоянно совершенствуются в профессии. Поэтому городские меркантильно-ориентированные слои без труда постигают "общие интересы", обладают возможностью контроля государственных учреждений и чиновников, акции масс имеют положительный смысл. Трудящиеся обладают правом на восстание, поскольку оно соответствует их интересам, совершенствованию конституции. Следовательно, плебейские массы выполняют полезную функцию в экономическом процессе.

Монтескье, Д. Стюарт и Д. Миллар заложили основы первого направления преобразования категории "интерес" в движущую силу экономического и политического развития. Второе направление - физиократы. Они первыми высказали положение

об ограничении оборота денег в торговле и промышленности. Главный аргумент - необходимо увеличить стабильность экономики. Физиократы первыми заметили опасность того, что купцы и промышленники могут применить средневековую корпоративную модель для организации государств. Физиократы не возражали против идеи: некомпетентная и произвольная политика тормозит экономику. Для предотвращения этого они конструировали модель строя, в котором "общие интересы" тождественны интересам властвующих лиц, что возможно только при абсолютизме. В этом контексте сформулирована доктрина "гармонии интересов". Идеальный политический строй может быть установлен только просвещенным монархом, собственником всех средств производства, устраняющим конфликты власти и общества.

Специфически интерпретируя категорию "интерес", физиократы защищали азиатский деспотизм. А. Смит завершил эту концепцию. Если Монтескье и Стюарт заняты проблемой ограничения верховной власти, А. Смита заботили невежество и произвол аристократии. По его мнению, ее крах неизбежен, едва она решится использовать возможности потребления и улучшения материальной ситуации, связанные с прогрессом производства. А. Смит тоже считал политику предпосылкой и следствием экономического развития, однако обосновывал необходимость государства не столько соображениями минимализации его функций, сколько потребностью ограничить произвол. Если произвол мешает экономике развиваться, власть меняют, не ожидая, пока она изменится. Отношение Смита к капитализму (особенно к разделению труда) неоднозначно. Но у него акцентированы следствия экономической деятельности: торговля ведет к излишествам, коррупции и упадку нравов; страсти человека сводятся к наживе. Отсюда главный вывод Смита: богатство не самоцель. Внеэкономические мотивы поведения не самостоятельны, а направлены на укрепление экономических мотивов. Из этого следовало отождествление интересов со страстями; акцент на внеэкономические (моральные и политические) мотивы вел к анализу экономического поведения в соответствии с концепцией природы человека. Иначе говоря, теория Смита была возвратом к исходному пониманию интересов. Это объясняется тем, что А. Смита интересовали "человек толпы", поведение большинства, главная забота которых - самосохранение и улучшение условий жизни. Человек толпы не в состоянии подчинять поведение рыцарскому кодексу чести и славы, "жить страстями" (как аристократия), удовлетворять страсти путем размеренной погони за интересами (подобно евреям, пуританам и возникавшей буржуазии), вообще держать данное слово. После А. Смита проблемы социальной морали перестали интересовать экономистов.

Вернемся к вопросу: можно ли с помощью экономики улучшить социальный строй? На него А. Хиршман отвечает отрицательно. Представление (Монтескье и Стюарта) о спасительных следствиях развития экономики стало иллюзией, привлекательной до сих пор, будучи полностью опровергнутой. Сравнение экономики с часами (постоянное движение, стабильность, точность и исправность механизма) сыграло роль ключевого аргумента при установлении авторитарных режимов XIX-XX вв. Этот аргумент физиократов повторяется до сих пор, воплотившись в концепции "рациональной бюрократии" и идее "рационального управления обществом". Ни либералы, ни марксисты, ни политические прагматики не смогли освободиться от иллюзий. Экономическая, социальная, организационно-управленческая и политическая мысль до сих пор испытывает их влияние.

Критика описанных идей развита Фергюсоном и Токвилем. Они исходили из констатации: у большинства людей влечение к материальным благам развивается быстрее, чем навык пользования свободой. Если большинство людей занято погоней за материальными интересами, ловкие политики могут захватить власть и при демократии. Если же народ требует от правительства только порядка во имя материального благополучия, вероятность "авторитарных личностей", стремящихся подчинить народ, растет пропорционально распространению материальных интересов в обществе. Следует ли отсюда, что политические формы, включая демократию, и весь корпус современного социального знания стоят на песке?

Шаткость интеллектуальных оснований и интересы " квази-стражей "

А. Хиршман утверждает, что погоня за материальными интересами и превращение последних в главный морально-политически мотивированный стимул поведения ведет к неразрешимой дилемме: любая детерминация политики экономикой увеличивает вероятность произвола власти, уменьшая участие граждан в политике. Эта проблема не решена демократическим государством. В XX в. верхи иерархий власти произвольно устанавливали сферу "вредного" для "деликатного часового механизма" экономики. Невозможно отрицать очевидное: в современном обществе большинство занято погоней за благополучием, увеличивая сферу свободы стремящимся к власти ради своих амбиций. "Хорошие" и "плохие" следствия развития экономики проявляются одновременно. Необходимо отбросить концепции, детерминирующие политику экономикой: либеральные концепции "свободного рынка" (Мизес, Хайек, Шумпетер, Фридман и др.), "открытого общества" (Поппер и последователи), марксистские концепции отчуждения и борьбы классов (Лукач, Грамши, Ленин и др.), консервативно-аристократические - "рессентимент" и "массовое общество" (Ницше, Ортега-и-Гассет), социологические концепты - "солидарность", "аномия" и "дисфункции" (Дюркгейм, Парсонс, Мертон). Эти концепции (строго говоря, направления и школы экономического, социального, политического и культурно-цивилизационного анализа) не позволяют противодействовать данной детерминации и угрозе. Никакого "нормального" капитализма не было и нет; связь материальных интересов с политическими (и наоборот) подозрительна по определению.

Как же тогда быть с веберовской теорией капитализма, основанной на представлении о констелляции материальных интересов и идей? Вебер полагал капитализм непреднамеренным следствием поиска индивидуального спасения. Предопределение Кальвина преобразовалось в действия, одухотворенные целью (индивидуальное спасение) и самоотречением как средством (протестантская этика). Последователи Кальвина нашли выход между Сциллой фатализма и Харибдой стремления к мирским благам. Это парадоксальное свидетельство важных, но неожиданных и не всегда реализуемых следствий человеческой деятельности. Их открытие стало важной задачей социальных теоретиков, начиная с Вико, Мандевиля и А. Смита. А. Хиршман предлагает идти по этому пути. Значимое различие между теорией Вебера и гипотезой Хиршмана состоит в ряде пунктов. Я отмечу основные.

Главным предметом социальных наук должны стать реакции интеллектуальных и чиновничье-менеджерских элит на новые явления. Элиты делят социальные явления на "положительные" и "отрицательные". В частности, они положительно реагировали на становление капитализма, связывая с ним надежды на то, что погоня за деньгами ведет человека "по верному пути", сдерживает авантюризм внутренней и международной политики. Эта надежда не подтвердилась. Одновременно элиты искали способы предотвратить распад общества, который по мере становления капитализма стал перманентной угрозой вследствие нестабильности социального порядка. Поиск ни к чему не привел. Короче говоря, элиты хотели невинность соблюсти и капитал приобрести. А. Хиршман предлагает соединить оба мотива при объяснении генезиса любой формы общества (капитализм, социализм, смешанное и т.д.). Эти мотивы определяют поведение интеллектуалов и бюрократии. Интеллектуально-чиновничьи элиты заинтересованы в поиске путей группового спасения и преодоления преград на этом пути. Здесь они наследуют функцию попов, по Марксу "идеологов", по Веберу "литераторов", по Р. Далю "квази-стражей" (аналогия "стражей" государства Платона). Этим объяснимы следствия экономического и социального развития. Ни политики, ни интеллектуалы, ни бюрократия не в состоянии их объяснить, преодолеть. Человеческие решения, действия ведут к результатам, которые в момент принятия и осуществления решений не предполагались. Да и сами действия предпринимаются потому, что элиты ждут результатов, которые никогда не появятся.

Парадокс социальной жизни: если надежды большинства людей остаются приватной сферой, то иллюзорные ожидания политических и интеллектуально-чиновничьих элит (при подготовке и принятии решений) становятся важной (нередко главной) причиной выхода социальной жизни из-под контроля. Иначе говоря, претенденты на знание и "рациональность" - главные ответственные за хаос социальной жизни. Кроме того, они всегда претендуют на контроль общества. И их надежды, в отличие от большинства, становятся социальной историей. Эта история остается вымышленной, позволяя не видеть действительные следствия решений. Социальные науки должны ориентироваться на невоплощенные следствия решений. Это даже важнее, чем исследование реальных следствий. Последние обладают статусом существования. Невоплощенные надежды - "преходящее мгновение". Если следствия не наступают, о них стараются забыть. Процедура забывания - главное средство интеллектуальной самозащиты элит и легитимации социальной системы [3, с. 107]. Факт существования современного капитализма доказывает, что он был первой в истории социальной системой с "двойным сознанием". Но этот феномен типичен и для возникших на почве капитализма систем, в которых политики, интеллектуалы и бюрократия играют главные роли.

Выводы

На вопрос, поставленный в начале, ответило содержание статьи. Однако точка зрения о существовании "нормального" капитализма, с которым сравнимы иные социально-экономические системы, распространена в России, других странах. Поэтому следует подчеркнуть положения Хиршмана, методологические по содержанию и служащие отправной точкой дискуссии. Важно не противопоставлять Вебера - Марксу и т.п., а изучать моменты общего и последовательность переплетения социальных теорий, принадлежащих к противоположным идеологиям. Попытки создания новых теорий для усовершенствования управления обществом и государством обычно заканчиваются крахом или непредвиденными последствиями. Терминология социальных наук Нового времени претендует на объективность и нейтральность. Однако в ней есть аксиологически нагруженные понятия, а оценки предшествуют выделению предмета теоретического исследования. Познавательные концепции современных школ социальной мысли связаны с нормативными постулатами. Социальное знание не свободно от христианского принципа Надежды. Ориентация на анализ поведения подвластных отражает сервиллизм социальных наук. Яркий пример - категория интереса как база теоретико-социологической мысли, могущая означать в экономическом, политическом и теоретическом языке любое содержание; ссылка на "интересы" всегда содержит консервативный момент. Морально-мотивированные экономические отношения и действия не могут считаться "нормой". Квалификация материальных интересов как предвидимых, постоянных и безвредных ведет к неожиданным следствиям. Определение денег как наиболее сильной социальной связи - опасная форма идеологии. Все теории социального развития и модернизации базируются на нормативных основаниях. Однако интересы, идеи, их констелляции не являются "движущей силой" социального развития. Доктрины "гармонии интересов" и "равновесия сил" есть разновидности идеологической аберрации.

Итак, социальные проблемы неразрешимы религиозными, моральными, экономическими, политическими средствами, главной причиной чего являются социальные группы и институты, "профессионально" занятые в сфере религии, морали, экономики, политики и производства идеологий. Теория неожиданных последствий требует отбрасывания (радикальный вариант) или переосмысления (умеренный вариант) системы главных понятий парадигмы социального мышления Нового времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. См.: Капитализм как проблема теоретической социологии ("круглый стол") // Социол. исслед. 1998. №2. Цанф В. Теория модернизации и различие путей общественного развития // Там же. 1998. № 8; Ельмеев В.Я., Тарандо Е.Е. Общественные блага и социализация собственности // Там же, 1999, № 1; Гребениченко

- С.Ф. Куда и почему идет Россия? // Там же. 1999. № 7; Бурганов А.Х. Гражданское общество в России как соборничество граждан // Там же. 2000. № 1; Левашов В.К. Социополитические стратегии развития России // Там же. 2000. № 7; и др.
2. Макаренко В.П. Групповые интересы и властно-управленческий аппарат: к методологии исследования // Социол. исслед. 1996. № 11.
 3. Hirschman A. Namietnosei i interesy: u intelektualnych zrodel kapitalizmu. Krakow, 1997, p. 23.
 4. См.: Капустин В.Г. Национальный интерес как консервативная утопия // Свободная мысль. 1996. № 3.